

Глава 4

*Лето. Каникулы. Бабушкин дом. Первые пелухи. Свой хлеб.
Ночное в полях. Сено, покосы, мухи, комары. Ягоды, грибы.
Баня по-чёрному. Чай с душицей из самовара. Бабушкина
молитва на ночь. Запруга. Любимая деревня. Бунин.
Тютчев. Иван Купала.*

Все мои детские годы, когда я училась и в начальной школе, и интернате, летом меня увозили к дорогим бабушке и дедушке, тёте Сине (Ксении), дяде Пете, двоюродным сёстрам Нине и Людмиле в деревню Сухо-Ерша.

Я ни разу не была в пионерском лагере.

Как только в марте-апреле начнёт пригревать солнце, все думы — о деревне, а там настоящий рай. Свежий воздух, обворожительный вокруг лес, жаркий, трава по пояс, пшеничные поля, стада коров и овец, кузнечики стрекочут, птицы выют гнёзда, сплошной в июне зелёный пейзаж, грибы-маслята в середине июля, а потом поспевают клубника, как пирамиды — кучи муравьёв, много сусликов: перебегая дорогу, встанут столбиком и прислушиваются... Ветерок обжигает ароматом природы.

Вот что такое родина? Это и есть любимый запах, когда всё радует глаз, предчувствие встречи с близкими, запашистый черёмуховый цвет — и наплывают лермонтовские строчки:

Люблю дымок спалённой жнивы,
В степи ночующий обоз
И на холме средь жёлтой нивы
Чету белеющих берёз.

Это моё любимое, это я повторяю, как только проезжаю мимо живых чудесных картин. Дух захватывает от голубого неба, яркого солнца, от чистой ключевой воды, от живого леса... Любимое высказывание Фёдора Тютчева о природе:

Не то, что мните вы, природа:
Не слепок, не бездушный лик —
В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык...

А путь до бабушки таков: в двадцать один тридцать от станции Енисей садишься в поезд, который идёт на восток, — и через четыре часа мы с мамой в Канске. На вокзале этого города мы ждём рассвета, чтобы на автобусе доехать до Дзержинского тракта. Но надо остановить любую попутную грузовую машину, например, лесовоз, который идёт в тайгу за лесом.

И вот едем пятьдесят пять километров, считая их на дорожных столбиках, замирая, торопя время, под говор шофёра. Мчимся на скорости, в нетерпеливом ожидании встречи с родными, с утренними петухами, к просыпающейся деревне с запахом навоза, к первому на пути колодцу, с большими огородами, старенькими домами, магазином на пути, первым переулком...

Мимо тётиного дома уже идём пешком, с чемоданами и сумками, до бабушкиной хатки. Стучим в калитку, открываем сами, видим, как стадо коров и овец с пастухом отдаляется от улицы в лес, я бегу к сенцам и — о счастье — уже в объятиях бабушки и дедушки... Слезы радости, запах парного молока, потому что только подоили корову и по крынкам разлили молоко. Первая кружка ещё тёплого молочка, любимая хатка с образами, с вышитыми полотенцами на них, с самоваром на столе, с Библией на окне, с большой лавкой; в углу сундук с вещами — это «смертное» (одежда на смерть готовилась всю жизнь); на стене прибита уже отполированная ногами приступка, чтобы залезть на печку...

Только дедушка там грелся, и мы, внуки, любили ближе к сентябрю в валенках просматривать поспевающие до красноты помидоры да иногда пугать тараканов. Русская печь с ухватками... Уже попевал гороховый суп, который я люблю до сих пор; умывальник, холщовое полотенце для рук — бабушка сама ткала; дверь низкая с толстым крючком, а дальше за ними сенцы. Есть маленькая спальенка с сундуком, а в нём постельное и одежда, две кровати, маленькое оконце, а на нём чёрная шаль (бабушка днём отдыхала и от света, от мух закрывала окно). На стене — огромный плакат с Маяковским:

Я знаю — город будет,
Я знаю — саду цвествь,
Когда такие люди
В стране в советской есть!

Никакой больше мебели. Только в комнате, где лавка, есть уголок с бутылочками с настойками, прикрытый занавеской, и на стене, рядом с умывальником, приклеен большой лист ватмана с нарисованной дядей Петей Алёнушкой (скорбящей о братце Иванушке).

А у тёти Сины и дяди Пети всё по-другому, по-современному. Они — учителя.

Большой красивый дом, красивые ворота, собачка маленькая, два огородчика и шесть соток под картофель — кормить живность, да ещё и на продажу весной. Маленькая кухонька, большая комната со столом, лавка, два больших окна, сундук у входа и красивый старинный буфет, а там и самогоночка в графинчике. А в спальне на окнах цветы всегда цвели, две кровати, комод с зеркалом, покрытый вышитой салфеткой, на нём наши крема от веснушек (у тёти две дочери, как я уже писала — мы погодки, и сын Витя, на шесть лет младше нас), да ещё стоял оделокон «Кармен» и разные безделушки. В спальне самотканые дорожки и шкаф с книгами, а в нём и Борис Полевой — «Золото», и Жюль Верн — «Таинственный остров». Мы зачитывались, много было книг других авторов. Чисто, мы следили за порядком.

Я ночевала чаще у тёти, потому что ходили в клуб и возвращались поздно; чтобы не разбудить старших, входили, вернее, влезали через окно, с вечера подготовленное, с отодвинутыми горшками запашистой герани. Долго шептались, попив простокваши.

Утром заправляли кровати. На каждой кровати были белые простыни с пришитыми внизу вязанными крючком кружевами, а потом покрывало и огромные, из пера, подушки. На стенах висели настоящие ковры.

Это уже во взрослой жизни мы будем стелить в городе ковры на пол, а раньше они висели на стенах. У нас дома у мамы висел тряпичный ковёр (в детстве моём) из ситца цветного, а потом уже и с «мишками в сосновом бору» Шишкина. Был дома комод, трюмо, и тоже долго стоял большой чёрный сундук со «смертным» для мамы и овчинными шкурами. В деревне шили из них тулупы (зимняя одежда), а про дублёнки ещё и не знали, всё придёт из Европы позже. У нас с мамой в маленькой комнате стоял в бочонке на полу фикус. Я постоянно снимала пыль с листьев. На стене картина «Март» Левитана. Не голодали в городе, но всё было, как говорится, от зарплаты до зарплаты.

А в деревне утром мы, три сестры, мыли полы через день, протирали пыль, поливали цветы и часто делали вместе

окрошку в большой чашке. Тётя приносила лук — длинное перо, резали, толкли, добавляли сваренные яйца, картофель, редис, огурцы, укроп, заправляли квасом, солью, сметаной. Окрошка — любимое блюдо до сих пор.

Всегда на столе молоко, творог, простокваша, щи, борщи, супы гороховые, а также суп из бобов (фасоль не сажали), много огородной зелени, свой хлеб (позднее, в семидесятые годы, уже хлеб из магазина).

На столе также сахар, чай с травами, фруктовый чай плитками, брикетами. Мы иногда просто откусывали и жевали. В деревне жевали серу — сами сбивали с лиственниц, а в городе в детстве жевали чёрный вар — смолу (битум).

В деревне питались хорошо, потому что трудились и в поле, и в огороде. Всегда были корова, овцы, куры, цыплята, поросёнок. Гусей не держали, иногда были утки. Масло из сметаны сбивали сами. Делали творог, много пили простокваши. Остатки молока мы носили на молоканку, а там договаривались с другими девочками идти на «сходки».

Часов в восемь вечера собирались на брёвнах, вели разные разговоры, а к десяти вечера шли в клуб на танцы; иногда, раз в неделю, было кино. Клуб — маленький деревянный дом. Сцена, стулья убирались для танцев, мальчишки и взрослые играли в бильярд.

Танцы были под гармошку или под баян. Первыми шли танцевать польку или «яблочко» взрослые девушки и женщины, а мы сидели вокруг на стульях, иногда выходили с ними в круг. Они уходили из клуба первыми — рано вставать на дойку, за ними шли их парни. А мы, подростки, дальше веселились.

Все были влюблены. У меня был парень Валентин — баянист. Одним словом, первый парень на деревне. Не из красавцев, роста среднего, но обаятельный, такой резвый, с шутками, опрятный, заводила. Жил с матерью, были соседями моей тёти. Между домами у дороги колодец. Поэтому за водой любили ходить: как там, не пришёл ли с поля Валик? А Валик зимой дружил с местной, Тамарой. Хорошая девушка, из трудолюбивой семьи. Но летом, когда я приезжала, он уходил со мной. Мы никогда не ссорились с Тамарой, подругами не были, она жила на другой улице. Из клуба выходили первыми мы с сёстрами. Валентин сдвигал меха, танцы прекращались, и я знала, что он пойдёт за мной. Девчонки иногда просили нас рано не уходить, чтобы ещё подольше потанцевать. Парни с нами не танцевали, много курили, играли во что-то у входа в клуб, около них собиралась малышня.

В деревне уже все спали, огни погашены. На небе звёзды, луна, и мы, идя по дороге к своим домам, на всю улицу пели песни:

Ой, рябина кудрявая, белые цветы.

Ой, рябина, рябинушка, что взгрустнула ты?..

Песен знали много, всё переходило и повторялось от родителей. Подходили к своим дворам, скамейкам, смотрели на звёзды, выбирали свою на небе и целовались, целовались до первых петухов. Слушали, как перелаивались собаки. Иногда слышали, как малышня за нами подсматривала.

Парни и девушки рано утром уезжали работать на поля, они оставались иногда в ночное. Жгли солому, пели песни, там была другая любовь. А мы ждали вечера, чтобы опять встретиться.

У нас была другая работа. Пололи картошку, окучивали, собирали лебеду и в деревянных корытах рубили курам и свиным. Ходили сгребать сено — любимое занятие, ворошить, сушить. Самое приятное — с граблями, котомками с едой далеко шли к покосам. По дороге отдыхали, тётя следила за нашими косами, кругом мухи, мошки, комары к сырой погоде, клубника, костяника, птицы и много красивых цветов. «А лес стоит загадочный, а сердце в такт стучит...» — как пелось в песне, или: «Травы, травы, травы не успели от росы серебряной согнуться...» Когда гребли сено, то встречали свитые в траве гнёздышки с маленькими крапчатыми яичками птичек, обходили бережно. На кустах встречали осиные серые шары-домики. Не дай бог разворошить случайно — убежали, только пятки сверкали. А пчёлы — их так было много...

Конечно, уставали. На траве стелили скатёрку, раскладывали сало, пироги, молоко, чтобы было побольше, разводили водой, чистили яйца и, посыпая солью, объедались, затем падали на траву и засыпали на час. Благодать! (Об одном жалею: что моя дочь и внуки этого не испытали!)

А когда укладывали взрослые копну, мы залезали и прыгали втроём: Нина, Люда и я, утаптывали сено. Завалимся и не можем надышаться душистым сеном. Осенью сено перевозили на лошади. Мы все наверху, на сене. Бывало, колесо телеги попадало в ямку, и всё сваливалось на землю. Опять укладывали, утаптывали: и смех, и обида, и радость от этого труда. Дома бабушка поджидала с горячим обедом. Любила, когда наберём маслят, жарить их во дворе на чугунной печке и с большой сковороды дружной семьёй всё это съесть. Дедушка обычно

приносил целую корзину грибов червивых, а бабушка их выбрасывала. Не допустит ни одной дырочки. А дедушка приговаривает: «Не те червы, что мы едим, а те, что нас едят». Мы смеёмся, а бабушка ворчит: «С этими грибами только мне работы», — и прибавляет: «Ну хоть по лесу духмяному походил».

А ещё любила, когда тётя с семьёй приходила к бабушке в субботу в баню по-чёрному. Шли мыться первыми дедушка, дядя Петя и Витя с ними — был сильный первый жар, а мы потом уже. Бабушка подоит корову, разольёт молоко, сделает чай в самоваре с душицей. Напаримся. В бане стены из брёвен чёрные от сажи. Оказывается, сажа — продукт от дерева — чище не бывает. В бане низкая скамья, чтобы от пола было прохладнее. Потом холодной водой обливаемся и приговариваем: «Ах, как хорошо, как здорово!..»

Разрумяненные, сидим в хате на скамейке и расчёсываем волосы. Чай дедушка пил из блюдца, с кусковым сахаром. Наколет сахар на мелкие кусочки, и так приятно припивать чаем с душицей. Потом все расходятся, за окном темнеет, бабушка на коленях читает молитву, я ложусь с ней, обнимаю, она гладит меня по головке, и со словами Маяковского: «Когда такие люди в стране в советской есть..» — я засыпаю. Тепло, уютно, спокойно. Иногда мы с сёстрами спали в амбаре на сене, а на потолке высоко висели осиные гнёзда-шары. Никогда ни одна оса нас не укусила. Ближе к осени стояли в бочонке солёные огурцы. С вечера запасали хлеб и ночью — хрусть-хрусть после клуба.

На лето мне давали задание набрать, насолить ведро груздей, ведро брусники, наварить литров пять клубники, смородины. С мальчишками уходили в лес на целый день. Это было наше царство. Находили партизанские землянки. Деревенские ребята знали их наперечёт. Возвращались с ягодами, грибами, усталые, но счастливые. Из луж через платок пили воду. Была запруда — водоём для скота. В жару животные отдыхали, пили воду, а мы на другом берегу загорали и купались. Кожа всегда была здоровой, а в воде что только не плавало. Природа была чистой. Не было речки, поэтому название у деревни — Сухо-Ерша. Били ключи, много было смородины и черёмухи. До сих пор чувствую запах и вкус бабушкиных пирожков.

Уходили с пастухом на целый день приручать к стаду телят. До обеда бродили по лесу, а потом направляли скот к запруде. Поесть, покупаться и подремать — милое дело.

Глава 5

Бабушкины внуки — взрослое поколение, выросшее без отцов после войны. Деревенская школа. Керосиновая лампа. Электрификация. Магазин. Почтальон. Деревня медленно исчезает с лица Земли

...Если бы у меня ничего этого не было, а только город? Деревни, как и наша Сухо-Ерша, погибают. Поэтому такая бездуховность. Какое счастье быть с природой в ладу. Мы не знали, что такое наркотики, сигареты, пьянство подростков. В деревню это придёт в восьмидесятые годы прошедшего столетия. Пока строили социализм, поля были засеяны, огороды вспаханы, в каждом дворе много живности, клубы работали, в школах учились дети, государству сдавали излишки мяса, молока, ягод и грибов, обновляли свои дома, рожали детей, работали в колхозах и совхозах, умели и праздники красиво отмечать. Люди были добрыми. Когда я шла по улице в деревне, то подходила к сидящим на лавочках старикам, улыбалась им, спрашивала: «Как здоровье?» Они мне отвечали этим же...

В стихах Ивана Бунина нахожу то, что чувствовала в детстве.

Чем жарче день, тем сладостней в бору
Дышать сухим смолистым ароматом,
И весело мне было поутру
Бродить по этим солнечным палатам!

Повсюду блеск, повсюду яркий свет,
Песок — как шёлк... Прильну к сосне корявой
И чувствую: мне только десять лет,
А ствол — гигант, тяжёлый, величавый.

Кора груба, морщиниста, красна,
Но как тепла, как солнцем вся прогрета!
И кажется, что пахнет не сосна,
А зной и сухость солнечного лета.

(И. Бунин, «Детство», 1903–1906)

Всё темней и кудрявей берёзовый лес зеленеет;
Колокольчики ландышей в чаще зелёной цветут;
На рассвете в долинах теплом и черёмухой веет,
Соловьи до рассвета поют.
Скоро Троицын день, скоро песни, венки и покосы...
Всё цветёт и поёт, молодые надежды тая...

О весенние зори и тёплые майские росы!
О далёкая юность моя!
(И. Бунин, 1900)

Чудный день! Пройдут века —
Так же будут, в вечном строе,
Течь и йскриться река
И поля дышать на зное.
(Ф. Тютчев, август 1868)

Летом есть один праздник, который обожают дети. Это — Иван-Купала. Днём обливаются водой, бегая друг за другом, а ночью в конце деревни жгут костры «до неба». Чёрный дым поднимается столбом. Одиноким старушкам грязью замазывают окна, чтобы те проспали и вовремя не выгнали скот на пастбище. Раскатывали огромные «лесины» (лиственницы) на дорогу, пугали по ночам, на сеновалах разбрасывали сено. Это были такие забавы.

Но что интересно: взрослые, ворча, наводили порядок, а потом весело рассказывали у колодца про ночные происшествия, причём с матом. Нецензурные слова употребляли для связки «смачно» и дети, и взрослые. В моём детстве деревенские девчонки не ругались. В нашем доме это было исключено. Иногда дедушка вставлял своё выражение, залезая на печь подремать: «Не глуми, фрау», — если бабушка на него ворчала. Было смешно, но не обидно. Никогда мы не слышали матов, даже от старших, слов «дура» или что-то в этом роде.

Ещё летом был большой ддя нас, детей, праздник — это когда приезжали к бабушке взрослые внуки со своими детьми в отпуск.

Взрослые суетились, мы помогали, с нами забавлялись, давали нам подарки, чаще леденцы в круглых баночках. Набирали воду из колодца ддя скота и бани, шли в лес по ягоды и грибы. Мы были любимы, но и своих двоюродных мы обожали.

О деревенской школе. Я училась в городе, и в классах было по двадцать пять — тридцать человек, а у тёти в школе, которая была за их огородом, в классе стояли три ряда парт. В первом ряду трое всего ребят, например, — это считался первый класс, во втором ряду пять человек — второй класс, в третьем ряду два человека — это уже третий класс.

Мои Ксения Васильевна и Пётр Иванович так по рядам и учили, давали задания, писали диктанты — всё по программе. Я с сёстрами однажды присутствовала на уроках. Летом проводили дополнительные занятия, и мы занимались с ними на

уроке рисования и физкультуры. Деревенские уважали моих родственников, называли только по имени и отчеству. Часто домой приходили рано утром (с четырёх утра топилась печь), а часов в семь-восемь утра кто-то сидел на сундуке, ближе к двери, чтобы не разуваться. Дядя помогал написать заявление, обсуждали новости, которые передавали по радио.

Телевизоров ещё не было. Я даже помню керосиновые лампы, не было электричества. Но потом, позже, в деревнях электрификация проходила быстро, стали завозить в магазины хлеб, продукты, товары.

Каждое утро дядя уходил в сельсовет и приносил новости политические. Рассказывал, какие грядут перемены. Любили почтальона тётю Марусю. Ждали писем, читали газеты. Я зимой из города часто писала письма, к праздникам открытки. А когда бабушка зимой приезжала в Красноярск, с мешком, как с рюкзаком, за спиной, по углам мешка вставлялись маленькие картофелины, привязывались верёвки и держались на спине рюкзаком, а там продукты: сало, яйца варёные и кружками замороженные молоко и бараний жир,— это было незабываемо! Молоко скоблила ложкой, ела вместо мороженого. Однажды перепутала с бараньим жиром — тоже белый — и долго не могла понять: что же это?

Хочу дописать про тётину учительство. Старших деревенских ребят, начиная с пятого класса, возили на лошадях, в санях, укрытых тулупами, в районный центр Георгиевку, по Дзержинскому тракту за восемь километров от Сухо-Ерши.

Вот так и учились. Потому поступали в канские училища, у кого были родственники — уезжали в Красноярск. Устраивались на работу, обзаводились семьями — деревня пустела. Это характерно для всей России. Старики обрабатывали огороды, кто мог, держали коров, овец, поросят, старели и умирали.

Когда бабушка и дедушка не могли себя обслуживать, их забрала тётя в свой дом. Появился телевизор, и с 1977 года они ждали моего появления на экране и удивлялись, как это: в Красноярске — и у них дома. Прожили по девяносто лет. Сначала ушла бабушка. Легла спать (одиннадцатого января 1977 года), в январе был мороз, а у неё была астма, так и не проснулась. Моя Елизавета Филипповна всегда молилась и просила лёгкой смерти. Через год ушёл за ней дедушка. Я и вся родня приезжали на похороны. Кладбище за деревней, могилки наших старичков всегда ухожены. Пролетят десятки лет, зарастёт кладбище, и будет как в уже очень известной песне, которую сочинил монах Матюшин:

За родником — белый храм,
Кладбище старое.
Этот забытый край
Русь нам оставила.

Глава 6

*Белоруссия, Витебск. Красноярск, училище искусств.
Краевое телевидение и радио. Профессия: диктор
телевидения. В. П. Астафьев. Овсянка*

Проучившись год в медицинском училище, я подаю документы в студию при театре имени Пушкина (она находилась на Сурикова, в первой музыкальной школе) и на лето еду к папе в город Витебск (Белоруссия). В письме, в котором он меня приглашал, написал: «Рая, приезжай на поезде, язык до Киева доведёт». На витебском вокзале я стою с чемоданом, не вижу отца. Когда все разошлись, ко мне подходит женщина и говорит: «Рая, я тётя Варя, жена отца (конечно, её фото отец не присылал). Отца положили в больницу (желтуха). Встречаю тебя я». Мы обнялись. Поехали на трамвае.

Витебск — чистенький, отстроенный после войны город. На берегу Двины — красивое здание театра имени Якуба Коласа. Проспект имени Фрунзе, дом пятиэтажный. С одной стороны школа, с другой — больница. Комната семь квадратных метров, общая кухня с еврейской семьёй, они инженеры, у них две дочери. Очень хорошая семья. Мы подружались.

Пошли к папе в больницу. Мне пятнадцать лет (1963 год), на шпильках, волосы ниже пояса — в общем, ухоженная девушка. На втором этаже у окна узнаю отца. На улице рядом со мной какие-то люди, он меня не узнаёт, спрашивает у тётки Вари: «А где Рая?» — так беспокоенно.

Я не выдерживаю, выхожу вперёд, наворачиваются слёзы, и тут он меня узнаёт, а я ему: «Папа!» У него тоже слёзы, но обняться не можем — он лежит в инфекционном отделении. Говорит какие-то слова, как я выросла, какая красивая, спрашивает, как доехала. А я обняла тётку Варю, плечи вздрагивают, плачу, вспоминаю, как он уезжал. Скоро успокоились, поговорили. Спросил о брате и сестре. Минут сорок говорили.

Живу в Витебске уже двадцать дней. Тётя Варя уходит на работу (повар в столовой), я к папе хожу, гуляю по городу. Дома чисто, ковры, телевизор, сплю на раскладушке, комнатка

Я, Рая Иванова, в 16 лет

Живём нормально. Я учусь и хожу заниматься в народный театр. В Красноярске я тоже занималась в народном театре в Доме офицеров, ездили со спектаклем по строящейся трассе Абакан — Тайшет, выступали в госпитале, где когда-то лежал папа, и из окна махали руками и кричали мне вслед: «Оксаночка!» — по имени моей героини. Однажды в Красноярске, в воинской части, преподнесли мне букет ковыля. Конечно, мне это всё нравилось. Артисткой я хотела быть!

Из Витебска с народным театром едем в Минск, на Декаду белорусского искусства. Коллектив и режиссёр замечательные. Мне уже семнадцать лет, заканчиваю школу, влюблена в еврейского парня Диму Крупенина, он тоже в нашем театре. Скучаю по родным, но надо поступать в театральное, а в Красноярске тогда ничего не было. Это позже будет рядом с домом, на Ленина (я на Каратанова), Академия музыки и театра, куда меня пригласили преподавать (сама Калиновская, киноактриса) сценическую речь.

В Минске после спектакля ко мне подошёл бывший ректор театрального института Борис Яковлевич Вишкарёв, а на тот момент он преподаватель по сценической речи, и спросил

маленькая, тесно, но тётя Варя вкусно кормит меня. Папу не выписывают. Сестра из Красноярска пишет, что из-за пожара нет набора в театральную студию, где я собиралась учиться.

Отец решает, что я остаюсь у них, тут заканчиваю девятый и десятый классы (потом поеду поступать в Минский театральный институт). Тётя Варя — в слёзы. У неё никогда не было своих детей, а тут я — как снег на голову. Отец настоял. Через месяц только поправился, его выписали. Учиться надо — святое дело.

о том, не желаю ли я попытаться поступать на актёрский факультет. Он занимается с абитуриентами.

На следующий год я поступила. Общежития институт не имел, только была одна комната в политехническом, какое-то время я жила там, девочки из белорусских маленьких городов и деревень. Надо было снимать квартиру. Папа уже на пенсии, в Красноярске еле сводят концы с концами.

И когда я приехала на каникулы к маме — маме уже шестьдесят с небольшим, болела, — я не могла вернуться в Белоруссию из-за материальных затруднений.

И вот я уже в Красноярске, работаю на междугородней телефонной станции (пять лет), затем в краевой библиотеке, в отделе «Периодика».

Работая на телефонной станции, однажды иду в театр Пушкина и в фойе встречаю Константина Алексеевича Вошикова — он артист театра и преподаёт мастерство актёра и сценическую речь в училище искусств, на правом берегу, рядом с торговым центром. От Тани, моей подруги детства, он узнал, что я учусь в Минске. Поговорили. Он предложил сразу на третий курс училища, на актёрское отделение. А я уже замужем, Кристине четыре года. Муж — литовец Антанас Расюлис, я — Расюлене. У литовцев в зависимости от пола меняется окончание фамилии. Кристина Расюлите — девочка, мальчик и мужчина — Расюлис, женщина — Расюлене. А до замужества у меня была девичья фамилия Иванова.

Группа на курсе меня приняла, учиться было интересно. Практику прохожу в театре имени Пушкина, где тогда был режиссёр Натан Израилевич Басин.

Я в 1980-е годы

Раиса Расюлене. Первый год работы на краевом телевидении в информационной программе «День края». 1977 год

Поскольку муж с высшим образованием (мне на тот момент двадцать девять лет), работает начальником отдела в Институте цветных металлов (научно-исследовательском), меня по краю не распределяют. Предлагают театр имени Пушкина. Муж, ещё когда я на практике была, смотрел каждый спектакль с моим участием, и мы уходили

домой на Качинскую вдвоём. Он был против работы в театре, потому что летом гастроль, у нас маленькая дочь. В общем, диплом я получила в двадцать девять лет, но выглядела гораздо моложе.

В результате меня берут на должность диктора на краевое телевидение в 1977 году. Я сама понимала, что в театре надо начинать работать лет с восемнадцати. Для меня семья в ту пору была важнее. Я хотела на радио, но мне сказали, что меня там «съедят», а красоту надо показывать на телевидении. На телевидении меня звали «красавица наша». Вот что делает молодость! Телевидение краевое — меня видит весь край, и, что для меня особенно важно, у телевизора в деревне Сухо-Ерша всегда мои любимые бабушка и дедушка. Успели меня увидеть. Мои родные и близкие люди гордились тем, что и меня саму очень радовало.

Должность диктора. Диктор — от латинского «dictor» («говорящий»). Работник телевидения и радио, говорящий перед микрофоном. Диктор должен быть приветлив, обаятелен, вежлив.

Виктор Петрович Астафьев, писатель, говорил мне: «Рая, ты красивая и как дикторша на своём месте. Ты баба добрая, любишь людей, и, глядя на экран, зритель чувствует внутренний комфорт, ощущение радости и душевный свет от тебя».

Конечно, телевидение — это болезнь, которой заражаешься сразу же, как сюда попадаешь. Оно сравнимо со сценой. Телевидение — это особые, понятные только самим телевизионщикам дух, атмосфера и творческий климат. Как я верю строчкам из стихотворения поэтессы Беллы Ахмадулиной:

Пришла и говорю: как нынешнему снегу легко лететь с небес в угоду февралю, так мне в угоду вам легко взойти на сцену. Не верьте мне, когда я это говорю.

Много концертов я провела в театре оперы и балета, два творческих концерта народного артиста России Владимира Ефимова, солиста театра оперы и балета, по его приглашению; в театре имени Пушкина, в музыкальном театре, на сценах большого и малого залов краевой филармонии, в разных ДК; по приглашению депутата Законодательного собрания края Анатолия Петровича Быкова на трёхсотлетию деревни Глядино.

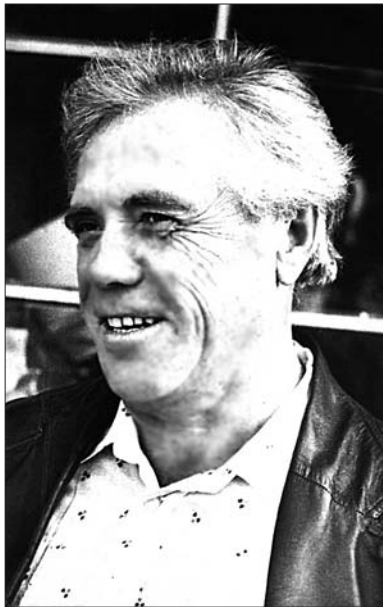
На свои деньги шила концертные платья и получала от работы удовольствие и радость. Но... перед концертом всегда волнение, чувствовала огромную ответственность. Только с первыми шагами на сцену правильно определить тон праздника, направить голос в нужное русло — и тогда уже как песня польётся, с душой и наслаждением. О результате судят по определению. Профессионал — это человек, знающий свою профессию, обученный, имеющий опыт.

Вспоминаю ещё одну радостную встречу с Виктором Петровичем и Марией Семёновной Астафьевыми. Наша передвижная телевизионная ПТС двадцатого марта — 1985-го? (не помню точно год) — выезжала в военный городок записывать встречу В. П. Астафьева и Марии Семёновны с молодыми людьми. Я на сцене представляла писателя. Разговор состоялся интересный, были подарены книги с автографом, много цветов.

Мария Семёновна под настроение приглашает меня на чай в Академгородок. Но завтра, двадцать первого марта, у моей дочери

В группе дикторов краевого телевидения. Слева направо: 1-й ряд — А. Бердников, я, Н. Мищенко; 2-й ряд — М. Кусаковская, В. Антипов. 1984 год

«От овсянского жителя» — такую подпись сделал В. П. Астафьев на обороте подаренной мне своей фотографии

В Овсянке сняли (у нас была видеокамера своя) двухчасовой фильм о нас с В. П. Мы в огороде, чистим картошку, морковь, лук, готовим ужин, и В. П. читает, сидя на скамье у крыльца, рукопись «Затесей» дополненную, а потом я с ним за столом слушаю его жизненные воспоминания за рюмкой водки; топилась печь, было хорошо и уютно. Уходя, обещал мой бывший муж вернуть копию, но и в этом случае оказался необязателен.

Кристины день рождения. Были приглашены близкие, и мне нужно было готовиться к этому дню. В. П. и М. С. понимают ситуацию и отдают мне все цветы, подаренные им. Цветов было так много... От улицы Перенсона до Качинской (где я тогда жила), на шпильках, с сумкой и огромной охапкой роз и гвоздик, я с трудом, но счастливая, добралась до дома.

Моя мама перенесла тяжёлый инсульт в семьдесят пять лет и до восьмидесяти четырёх лет была прикована к постели. Виктор Петрович бывал у нас дома и всегда отмечал: «Как же это тебе удаётся, Рая, с такими красивыми ногтями так чисто содержать дом, солить грузди и ухаживать за матерью?»

Я чувствовала: В. П. жалел меня. Подарил много

книг, есть фото: «Рае от овсянского жителя». Подарил два тома Шолохова «Поднятая целина» с автографом: «Рая, это лучший роман века, желаю, чтобы и Ваш роман с мужем был лучшим».

К сожалению, это не состоялось. К сожалению — потому что пожелание от такого человека памятно, но то, что расстались, — правильно судьба распорядилась. К тому же общих детей не было, а прожили восемнадцать лет вместе.

В Овсянке сняли (у нас была видеокамера своя) двухчасовой фильм о нас с В. П. Мы в огороде, чистим картошку, морковь, лук, готовим ужин, и В. П. читает, сидя на скамье у крыльца, рукопись «Затесей» дополненную, а потом я с ним за столом слушаю его жизненные воспоминания за рюмкой водки; топилась печь, было хорошо и уютно. Уходя, обещал мой бывший муж вернуть копию, но и в этом случае оказался необязателен.

В. П. просил сделать копию видеоматериала — Геннадий Васильевич Иванов (и моя девичья фамилия — Иванова) не сделал. Мы жили на улице Каратанова, рядом с Союзом писателей, куда часто заходил Виктор Петрович.

Перед этим он звонил и говорил: «Раиса, грибы не съела? Ставь к девятнадцати часам картошку варить». Приходил с гостем, предупреждал, конечно. Слушать В. П. было интересно. Но всегда говорил, когда я пыталась подложить горяченькой картошки: «Так и хочешь, чтобы я в вашу дверь не влез», — все дружно смеялись. Иногда он пел, я не всё могла понять. Но его романс «Над Енисеем осени круженье» (музыку написал Вл. По роцкий, композитор, я с ним была знакома) я полюбила навсегда.

В своей передаче «К вам с любовью» рассказывала о В. П. и М. С. на фоне звучания романса. Этот сюжет я сохранила на кассете. У В. П. не было машины, и мой муж частенько возил М. С. по делам или в аэропорт, а когда нам нужно было заменить машину, В. П. дал нам шесть тысяч рублей (машина тогда стоила восемь тысяч) со словами: «Ты хорошо ухаживаешь за мамой, устаёшь, и на работу тебя должен муж возить». Мы отказывались, но В. П. перевёл деньги по почте. Так и было.

А мне всегда хотелось чем-то им помочь. Говорю, приеду, окна помою, а В. П. смеётся: «Ещё стёкла нам поцарапаешь». В Овсянке встречались один раз с его дочерью Ириной, маленькой Полиной, внуком Витей и сыном. Они приезжали в гости из Вологды. Есть фото. Позже рассказывал, как умерла Ирина.

Ездили на кладбище. А когда ушёл из жизни Виктор Петрович, в краеведческом музее прощались, мы на кладбище везли большую корзину хризантем белых. На могилке сложили большую пирамиду из цветов, и на самом верху оказалась наша корзина хризантем. Сам Бог послал нам встречу, дружбу с Виктором Петровичем.

Сами мы старались не тревожить их покой. На Пасху всегда звонил В. П. Теперь уже так искренне никто не звонит. Спасибо, что он был в моей жизни!

Его роман «Царь-рыба» мне понравился сразу. Из рук в руки передавался журнал («Роман-газета»), в котором печатали это произведение. И, конечно, было огромное желание читать всё, что выходило новое, и ближе познакомиться с его творчеством.

Я была влюблена в книги Валентина Распутина, а Виктор Петрович был близким его другом и кое-что рассказывал о нём. Следила за творчеством артистов театра и кино Кирилла Лаврова и Михаила Ульянова, а они с Виктором Петровичем были друзья и провожали

писателя и друга в последний путь. Ошибаюсь, Михаила Ульянова не было, были артисты Алексей Петренко и Кирилл Лавров.

Вспоминаю, как однажды Виктор Петрович приехал к нам на Качинскую, 58/2, кв. 3. Мама уже с постели не вставала. Привёз мёд и морковь, пили чай, расспрашивал маму о переезде в Сибирь, какие песни пели на Смоленщине и как там жилось до войны. В это время (1984 — 1985 годы) он работал над романом «Печальный детектив», а я встречалась с будущим мужем, старшим лейтенантом управления внутренних дел Г. В. Ивановым. Я их познакомила, Виктор Петрович просил подробнее рассказать Геннадия Васильевича о каких-то поступках жуликов. В «Печальном детективе», рисуя картины советской действительности, он хотел уточнить поступки или действия (правильно ли он описывает) своих героев. О бандитах и сотрудниках милиции проговорили два часа, а ещё об узлах, как жулики их правильно завязывают, — попросили у меня верёвку. Я поняла, что писатель до мелочей консультируется с профессионалами.

А в Овсянке, в его маленькой писательской комнатке, на столе лежал крохотный словарь нецензурных слов. «А это для чего?» — наивно спрашиваю я, а В. П. ответил: «Это для работы». Там же лежал томик Гоголя.

Однажды я пошла проводить Виктора Петровича с Качинской на улицу Перенсона, остановить такси. На дороге на улице Ленина мы стоим первыми, поднимая руку, за нами девушка и дальше молодой человек. Останавливается такси, тормозя, проезжает до парня. Виктор Петрович торопился на встречу домой.

**Мы с подружкой у В. П. Астафьева
в гостях**

Парень открывает дверь и пытается садиться, мы подбегаем, так как мы первые остановили, я говорю: «Мы торопимся, разрешите пожилому человеку уехать». Парень отталкивает меня — упала. Виктор Петрович, злой, — на него: «Как ты с женщиной поступаешь?» А тот, глядя на значки на пиджаке Виктора Петровича, отвечает: «Понавешают сами себе медалей и

выдают себя за героев». Завязывается драка, я пытаюсь успокоить и говорю: «Как вы так можете? Это писатель Астафьев», — а он даже не знает такого писателя. Но я уже проталкиваю Виктора Петровича в машину и сама сажусь на заднее сиденье. Через две остановки я вышла, но Виктор Петрович не мог успокоиться, разволновался. Водитель был пожилой и извинился, что не смог притормозить около нас, и до дому довёз, найдя общую тему.

В Академгородке в квартире писателя стоял большой старинный стол, подаренный вологодским музеем, как мне сказал Виктор Петрович. Около стола стояли два мешка с письмами, наполовину заполненные. В это время он работал над «Проклятыми и убитыми» про трагедию войны. В одном мешке — письма от читателей с признанием любви и уважения к Виктору Петровичу, а в другом — от генералов, недовольных Виктором Петровичем, описывающим войну, были и с нецензурными словами. Боже, какое нужно здоровье!

Помню, какие вкусные пироги пекла Мария Семёновна. Особенно рыбные. Целая рыбина большая запекалась в тесте. А потом на тарелке снимался верхний слой и вилкой разбирался и съедался весь пирог.

Вспоминаю интересную передачу по литературной редакции краевого телевидения. Я видела эту запись, так как в тот день была дежурным диктором. Виктор Петрович и Роман Солнцев, являющийся поэтом и другом В. П., за журнальным столиком читали стихи классиков: Пушкина, Фета, Тютчева, Тургенева. Перед ними лежали книги, и они по очереди читали. Это незабываемо...

Журналист Елена Козлова делала обо мне передачу. Приходило много благодарных писем в мой адрес и на передачу «К вам с любовью» по письмам телезрителей. У меня была умница-редактор Эмилия Чижкова, бывшая супруга красноярского поэта А. Третьякова. Зрители нам писали о себе, о селе, а Эмилия Петровна составляла сценарий. Мы поздравляли с праздниками, юбилеями, днями рождения. Елена обратилась к Виктору Петровичу с просьбой сказать несколько слов обо мне. Нашёл время, его записали. Виктор Петрович сказал много хороших слов в защиту передачи: «Передачу смотрят, ждут, пишут письма, она нужна людям, Раису Расолене любят, посвящают ей стихи — не отнимайте последние радости».

Дело в том, что Москва постепенно забирала время краевого телевидения и радио. Сокращались программы. Пишу в 2016 году, и уже давно нет краевого телевидения. В двух огромных зданиях только одна редакция информации, выпускающая

**В. Нелюбин , председатель
краевого отделения Союза жур-
налистов, вручает мне цветы и
Почётную грамоту Губернатора
края в честь моего юбилея**

**Веду телепередачу
«У нас в гостях». 1984 год**

В группе работников телевидения. Я — в первом ряду справа

новости «Вести + ». Из пяти дикторов до 2001 года оставалась одна и проработала до пенсионного возраста и ещё один год. Разрушались заводы, фабрики, и не стало краевого телевидения.

Романс на стихи В. П. Астафьева (композитор Вл. Пороцкий)

Над Енисеем осени круженье,
И листья светло падают в реку́,
И острова плывут, как листьев отраженье,
А сердце рвётся вслед прощальному гудку.
Тревоги нет, а лишь тоска и горе
Листком увядшим над рекой кружит.
И не слезой, а песней о далёком море
В краю полночном память, память прозвучит.

Ах, осень, осень, зачем так рано,
Зачем так скоро прилетела ты?
Зачем ты утренним туманом
Закрывает летние цветы?

И улетают птицы, нами не добытые,
И в небе стон стоит, прощальный стон,—
То пролетают годы, нами не дожитые.
Над Енисеем листьев, листьев перезвон.

Ах осень, осень, зачем так ярко,
В час угасанья ярко светишь ты?
Зачем в груди так холодно, так жарко
От этой неизбывной красоты?

Вот и всё...